

В. В. Колода

К вопросу о салтовских погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач)

Исследования городища в с. Мохнач, что в Змиевском р-не Харьковской области, продолжаются уже много лет.¹ Каждый полевой сезон увеличивает число разнообразных, порой неординарных, археологических объектов, которые обогащают наши знания о жизни раннесредневекового населения юга Восточной Европы и, в частности, лесостепного населения Хазарии. Среди многочисленных комплексов указанного памятника выделяется группа ингумационных погребений, которые выявлены на территории жилой зоны (внутри оборонительных сооружений), что само по себе является неординарным фактом, а поэтому требует своего объяснения и осмысления. Однако не все выявленные ингумации мы связываем с эпохой раннего средневековья. Южная часть городища в настоящий момент занята современным кладбищем, которое существует, по крайней мере, с XVIII ст. [5, с. 168–177]. Некоторые неглубокие захоронения (40–60 см), без внешних опознавательных знаков, что обнаружены на городище, но за пределами указанного кладбища совершены, как правило, по православному обряду. Их мы связываем с историческими событиями XX в., который был богат на человеческие трагедии (войны, голод, репрессии). И все же, ряд ингумаций явно репрезентируют время существования здесь населения салтовской культуры (конец VIII—середина X вв.).

К настоящему времени салтовские комплексы с захоронениями выявлены лишь на территории «северного» (большого) двора в пределах двух раскопов (№ 10 — общая исследованная площадь составляет 2177 кв. м и № 11 — 1753 кв. м). В раскопе № 11 известно единственное салтовское мужское погребение с многочисленным инвентарем [6, с. 213–216], выявленное в пределах усадьбы кузнеца [7, с. 69–78]. Значительно больше их в пределах раскопа № 10. Первый такой комплекс: захоронение четырех человек на лежанках по периметру юртообразного жилища, выявлен в 2001 г. [8, с. 70–73]. Анализ костных остатков² позволил определить возраст и, в некоторых случаях, пол погребенных. В жилище отдельно лежали: ребенок 2,5–3 года и юноша 12–14 лет. Останки еще двух костяков дают возраст 14–15 и 8–11 лет (один из них, судя по браслету на запястье, возможно — женский). Согласно данным антропологического обследования, два последних индивидуума и ребенок были родственниками, которым при жизни довелось пережить значительный голод. Судя по ременной гарнитуре, этот комплекс может быть отнесен к первой половине—середине IX в. [9, с. 224–226].

В сезоне 2010 г. в пределах того же раскопа (№ 10) обнаружено еще два погребальных комплекса. Одним из них было парное захоронение взрослых мужчины

¹ История изучения городища и его округа неоднократно изложена в научной литературе [например: 1, с. 42–44; 2, с. 9–10; 3, с. 312; 4, с. 16–18].

² Костный материал анализировал антрополог А. В. Артемьев — сотрудник Центра археологии (г. Полтава).

и женщины (без инвентаря). Оно было совершено в одном из заброшенных жилищ [10, с. 31–34]. Кроме того, исследовано богатое женское захоронение (комплекс № 55), которое и станет предметом нашего пристального внимания в данной работе.

Этот раннесредневековый комплекс представлял собою округлую в плане яму, впущенную в постройку раннего железного века.¹ Возможность выявления здесь захоронения предполагалась еще при исследовании первого штыка ее заполнения, когда была извлечена часть левой плечевой кости и несколько зубов человека. Сама яма с захоронением практически цилиндрическая с верхним диаметром в 140 см и нижним овалом — 130 × 140 см. У дна, близ западной стенки — небольшой подбой. Плоское дно — на глубине 150 см. На дне ямы располагался костяк погребенного (рис. 1).

Костяк лежал на спине (рис. 2). Верхняя его часть была практически выпрямлена с небольшим изгибом в поясничном отделе. Голова повернута вправо глазницами на запад. Нижняя челюсть — отделена от черепа и сдвинута к ЮВ. Плечи развернуты под прямым углом к позвоночнику. Правая рука согнута в локте таким образом, что ее локтевая и лучевая кости составляли между собой прямой угол. Кости правой кисти (некоторые в виде тлена) располагались в районе живота. Лопатки — в анатомическом положении. Проксимальная половина левой плечевой кости была расположена параллельно позвоночнику. Кости левого предплечья были отделены и положены параллельно правому предплечью. Кости левой кисти, часть позвонков грудного отдела и ребер отсутствовали. Кости таза были несколько развернуты вправо, они выявлены полуистлевшими. Бедренные кости составляли практически прямой угол с линией позвоночника; своими коленными суставами они направлены к ЮЮЗ. Голени подогнуты под углом ≈ 45° по отношению к бедренным костям. Кости стопы сохранились частично (лишь пяточные). Судя по скуловому углу, форме глазниц — это костяк женский. Судя по сильной истертости зубов, возраст умершей составлял 35–40 лет.²

Яма была засыпана мягким черноземом с добавлением материковой крошки. В процессе расчистки заполнения найдены отдельные зубы и единичные фаланги пальцев (расташены животными), а также одна небольшая сферическая сердоликовая бусинка, фрагментированная подвеска из расколотого белемнита (рис. 3: 12; 5: 8), бронзовая спиральная пронизь и разломанная ажурная поясная пряжка (рис. 3: 3; 5: 19). В нижней части заполнения выявлены фрагменты гончарной посуды СМК и кости животных (табл. 1) — возможно, остатки тризны.³

Таблица 1

Опись не взятого материала из комп. № 55 раскопа–10 на городище Мохнач

Наименование находки	Глубина (см)
	140–150
СМК амфоры	5
СМК тарная	3
СМК кухонная	28
СМК столовая	1
Обмазка	4
Камни	1
Кости животных	7
Панцирь улитки	5
ВСЕГО	51

¹ Предварительная информация об этом комплексе опубликована в ежегоднике Института Археологии НАН Украины [11, с. 191, рис. 1, 1].

² Возраст определен Бондаренко В. Л., остеологом Музея природы ХНУ имени В. Н. Каразина.

³ Но, возможно, эти предметы попали сюда и как часть переотложенного культурного слоя.

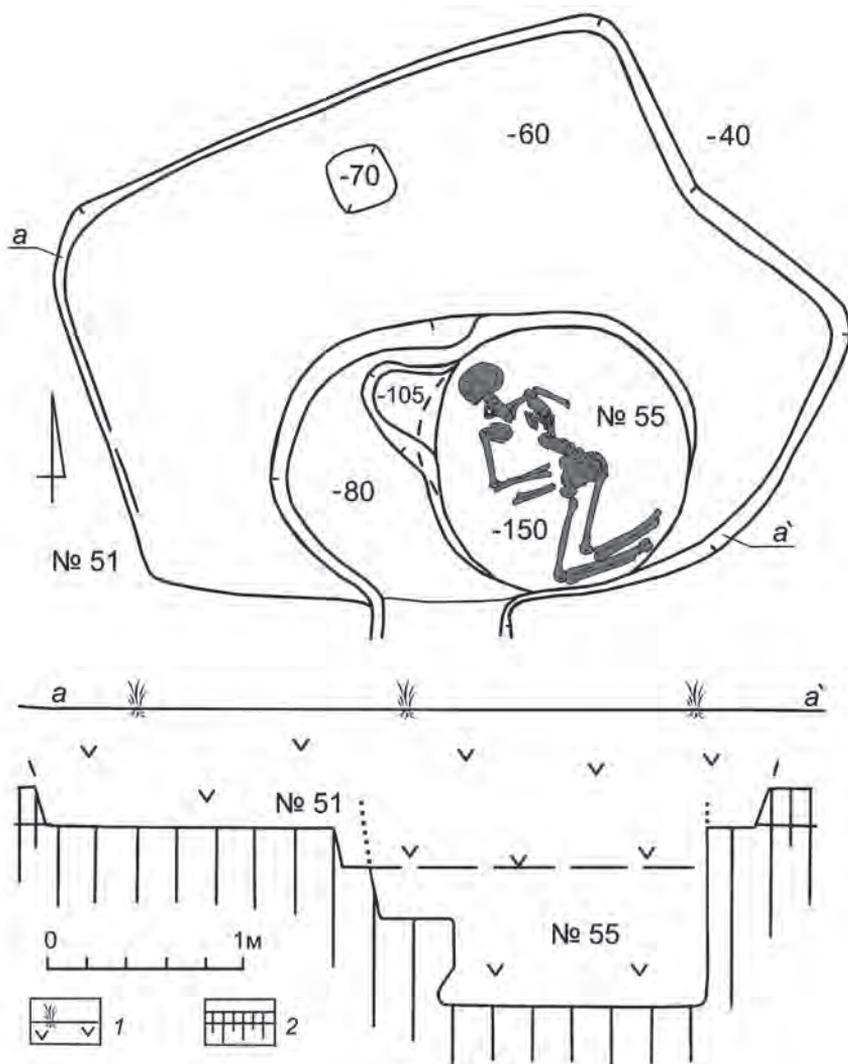

Рис. 1. План и профиль комплекса с захоронением

Условные обозначения: 1 – дневная поверхность, культурный слой, 2 – предматерик, материк

Погребение имело богатый инвентарь, выявленный при расчистке костяка и под ним. Относительно категорий его можно разделить на следующие группы: предметы одежды и личного пользования, украшения, а также культовые предметы. К первой выделенной категории следует отнести пару «прикипевших» друг к другу железных ножей в одной обойме, что находились под зеркалом (рис. 3: 1) и еще один (в виде тлена) обнаружен в районе пояса. Остальные предметы были бронзовые: большая шаровидная полая пуговица (рис. 3: 5; 5: 24), найденная близ останков последнего из упомянутых ножей, копоушка (рис. 3: 4; 5: 7) и небольшое колечко (рис. 3: 2; 5: 6). Относительно пары ножей считаем необходимым добавить, что на них местами сохранились остатки деревянных ножен. С этими же ножнами мы связываем и несколько фрагментированных профилированных серебряных тонких пластинок (рис. 3, 1а, 1б), а также набойку от торца ножен (бутероль-?); в ней сохранилось 4 бронзовых

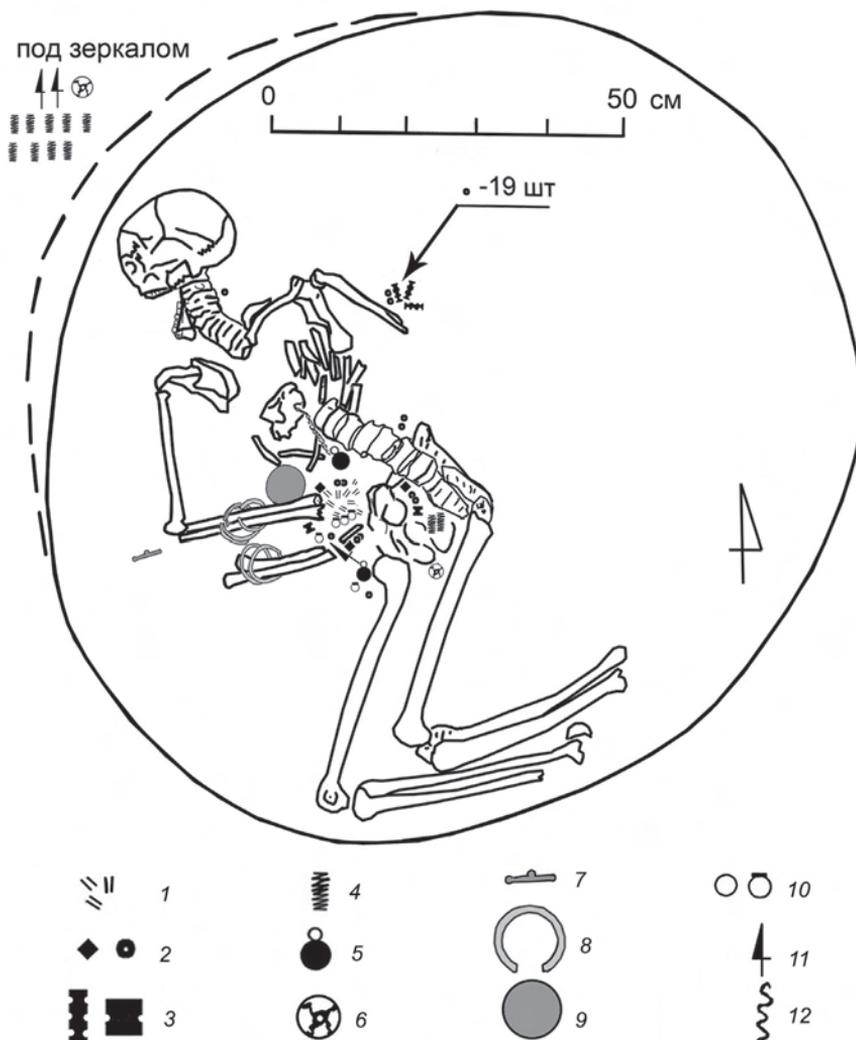

Рис. 2. План-схема погребения

Условные обозначения: 1 — костный тлен, 2 — бусины, 3 — пронизи (стекло), 4 — пронизи (спираль, бронза), 5 — бубенчик (пуговица), 6 — соляной амулет, 7 — копоушка, 8 — браслет, 9 — зеркало, 10 — кольцо, перстень, 11 — нож, 12 — цепочка

гвоздя и остатки дерева (рис. 3: 16). К этой же категории предметов (части одежды) мы относим большой шумящий шарик-бубенчик и бронзовую цепочку (рис. 3: 9, 10; 5: 16, 20), что выявлена рядом с ним в районе грудного отдела (рис. 2).

К украшениям следует отнести 5 браслетов: два — на левом предплечье (рис. 4, 1, 2; 5, 4, 5) и три — на правом предплечье (рис. 4: 3–5; 5: 1–3). В районе правой кисти обнаружено 4 перстня (рис. 5, 9–12) и одно кольцо с чуть расплюсненной площадкой (рис. 4: 9; 5: 13). Три перстня имели вставки: один — из черной стекляннной «пасты» (рис. 4: 6; 5: 11); другой — из половинки бусинки полупрозрачного голубого стекла (рис. 4: 8; 5: 10); третий (фрагментированный) — из темно-синего непрозрачного стекла (рис. 4: 10; 5: 12). Один из перстней был отлит так, что его форма внешне напоминала перстень со вставкой. На его металлической поверхности просматривалась имитация лапок-зажимов (рис. 4: 7; 5: 9). Изготовлен он был на основе меди, затем был полностью посеребрен

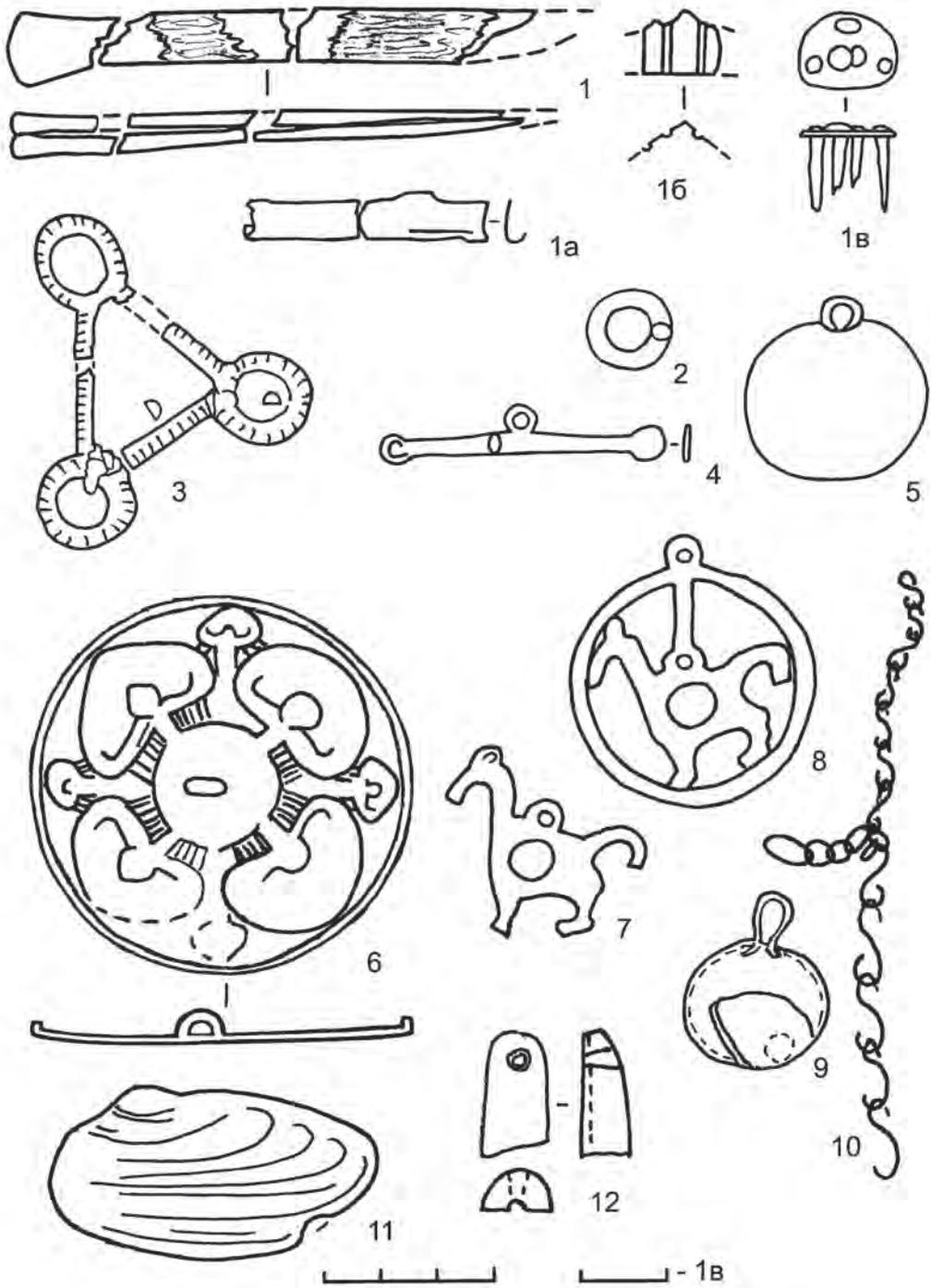

Рис. 3. Находки из погребения:

1-5 – предметы личного обихода и элементы одежды; 6-12 – культовые предметы (1 – железо; 1а, 1б – серебро; 1в, 2-10 – бронза; 11 – раковина; 12 – белемнит)

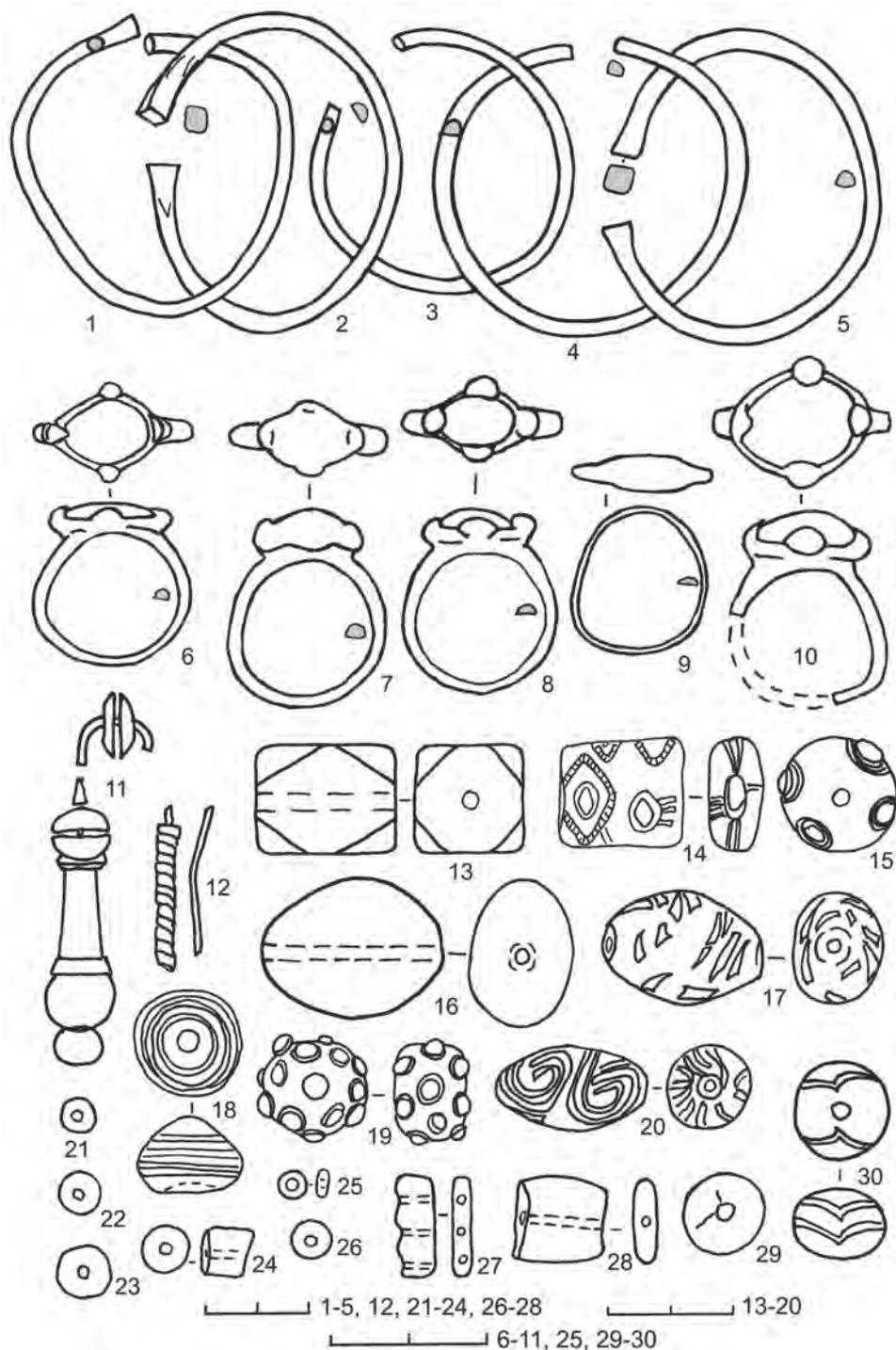

Рис. 4. Украшения из погребения:

1-6, 8-12 – бронза; 7 – посеребрянная медь; 13 – горный хрусталь; 14-15, 17-20, 27-29 – стеклянная цветная паста; 16, 21-23, 30 – сердолик; 24 – коралл; 25 – стекло (бисер); 26 – кость

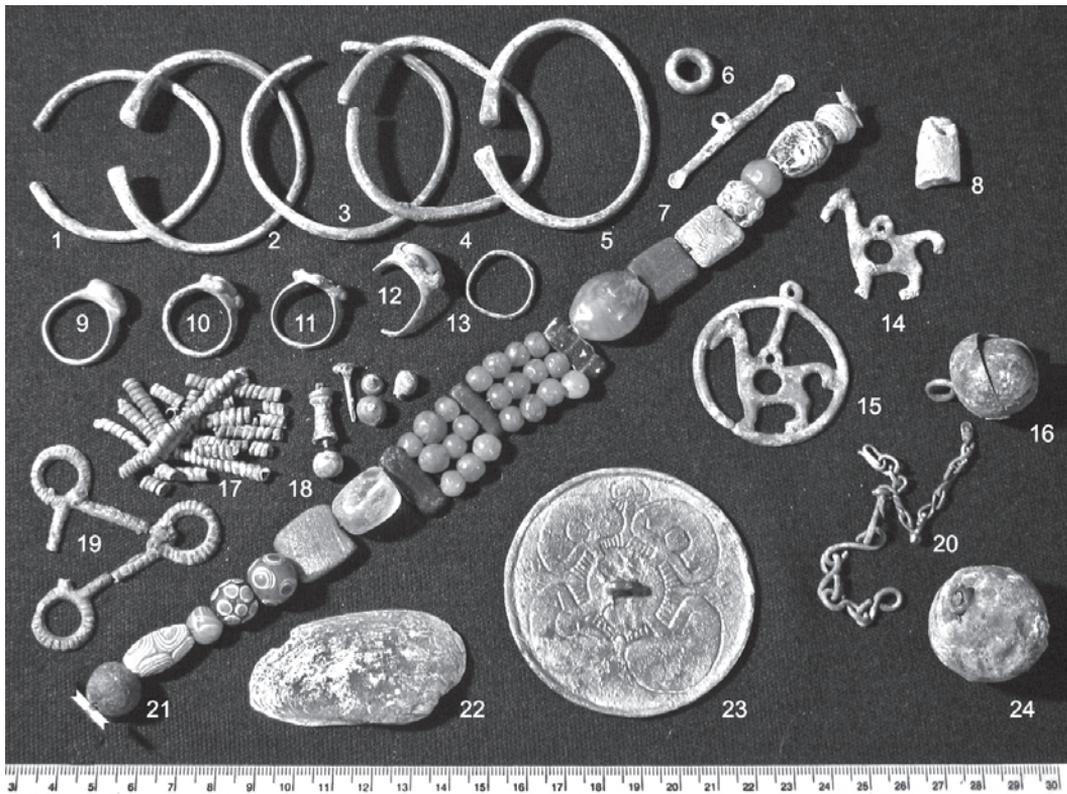

Рис. 5. Вещи из погребения (фото)

(амальгамирован). Под правой скулой черепа обнаружены остатки наборной бронзовой серьги (рис. 4: 11; 5: 18). В различных местах (правое предплечье, район таза, под зеркалом) обнаружена 21 бронзовая спиралевидная пронизь; часть их была нанизана на тонкую медную проволоку (рис. 4: 12; 5: 17).

В погребении выявлено большое количество разнообразных бус и неметаллических пронизей (рис. 5: 21), а также 3 бисеринки серебристо-серого цвета (рис. 4: 25), что найдены в вынутом перебранном грунте. Значительное число бусин изготовлено из камня: одна (14-гранная) — из горного хрусталя (рис. 4: 13), остальные — из сердолика. Две сердоликовые обращают на себя особое внимание: одна из них — сливовидная большая (рис. 4: 16); вторая — небольшая, шаровидная с узором (рис. 4: 30). Узор состоял из двух минеральных прожилок белесого цвета, который мастер сумел увидеть в материале и проявить в готовом изделии в виде оригинального узора. Две сферические сердоликовые бусины имели диаметр — 1,0–1,1 см (рис. 4: 23), 20 сферических бусин были диаметром $\approx 0,7$ см (рис. 4: 22), одна — была бочковидной — $0,6 \times 0,4$ см (рис. 4: 21). Большинство сердоликовых бусин (19) найдено близ левой плечевой кости (рис. 2). Семь бусин были рубленными из белого коралла (рис. 4: 24); их диаметр колебался в пределах 0,7–1,0 см, а длина — 0,6–0,9 см. Две из них найдено вместе с сердоликовыми близ левой плечевой кости, 2 — в районе поясничных позвонков, 1 — под зеркалом, еще пара таких бусин обнаружены в вынутом перебранном грунте. Три темно-синие стеклянные пронизы с тремя отверстиями (рис. 4: 27) располагались вместе с набором сердоликовых бус близ обломка правой плечевой кости (рис. 2). В районе таза и близ дистального конца правого предплечья (рис. 2)

ПУБЛИКАЦИЯ

выявлено по одной плоской пронизи из синего стекла (рис. 4: 28). Большая сферическая бусина синего цвета с радужным налетом (рис. 4: 29) обнаружена к западу от поясничного отдела позвоночника.

Остальные стекляно-пастовые бусы и пронизи были многоцветными и одиночными. Они располагались беспорядочно между позвонками поясничного отдела и костями предплечий. Единственная плоская (рис. 4: 14) была темно-желтого цвета; ее орнамент состоял из ромбов красного цвета в бело-зеленой окантовке. Две бусины были «глазчатými». В одном случае сферическая бусина темно-терракотового цвета была инкрустирована синими глазками в бело-сине-белой окантовке (рис. 4: 15). А в другом — уплощенно-сферическая бусина темно-синего цвета была богато украшена сильно выступающими терракотовыми глазками в белой окантовке (рис. 4: 19). Единственная усеченно-биконическая бусина была изготовлена из пасты серо-желтого цвета с орнаментом из концентрических чередующихся синих и белых полос (рис. 4: 18). Две бусины имели эллиптическую форму. Одна из них была изготовлена из темно-синего стекла и беспорядочно разбросанными ярко-желтыми бесформенными инкрустациями (рис. 4: 17); орнамент второй был более сложным и упорядоченным: по синему фону размещались спирали из чередующихся трех белых и двух коричневых линий (рис. 4: 20).

К предметам культа мы относим большое зеркало из оловянистого сплава¹ (рис. 3: 6; 5: 23), что было обнаружено орнаментом вниз рядом с костями правого предплечья (рис. 2).² В погребении обнаружено 2 солярных амулета в виде лошадки: один из них — лошадка в круге найден под зеркалом (рис. 3: 8; 5: 15), второй амулет в виде лошадки (рис. 3: 7; 5: 14) найден в районе таза (рис. 2). К этой же категории предметов мы предположительно относим и еще ряд находок: бронзовую цепочку и большой шумящий шарик-бубенчик (рис. 3: 9, 10; 5: 16, 20),³ что выявлены рядом с ним в районе грудного отдела (рис. 2), а также створку раковины (рис. 3: 11; 5: 22) близ левой стопы.

Захоронение явно неординарное: по месту проведения (район густой застройки на городище), по количеству и качеству инвентаря. Ввиду отсутствия ряда костей и общего нарушения анатомического порядка скелета можно утверждать, что оно проведено по аланскому обряду обезвреживания погребенных. Единичные мелкие кости лица и верхних конечностей, а также обломок плечевой кости, что обнаружены в верхней части заполнения ямы не дают полного анатомического набора (отсутствует часть позвоночника и большинство костей грудного отдела, плюсневые кости). Данный обряд хорошо представлен как в аланской среде Северного Кавказа [12,

¹ Элементный состав изделия определен на спектрометре ElvaX компании «Элватех». Он составил: 62,1 % — олово и 37,9 % — медь (пользуясь случаем выражаем глубокую признательность за проведенные анализы сотрудникам ХНУ имени В. Н. Каразина О. И. Юрченко и Ю. Г. Шкорбатову). Вес предмета = 39,6589 г.

² Прекрасно осознавая, что большинство зеркал являются предметами туалета [17, с. 100], считаем необходимым обратить внимание на неоднозначную интерпретацию зеркал в салтовских древностях. Безусловно, этот вопрос должен стать предметом самостоятельного исследования. Здесь же мы хотим заметить следующее: железные изделия этой категории (например: катакомба-152 Дмитриевского могильника [17, рис. 47]) не могли использоваться для того, чтобы смотреться в них, а лишь отражали солнечный свет. Ряд цветнометаллических зеркал напрямую связывают с амулетами [17, с. 97, рис. 49]. Исходя из вышесказанного, а также из неординарного размера и уникального орнамента зеркала из рассматриваемого захоронения, мы предполагаем его отношение к предметам солярного культа.

³ Несмотря на то, что эти предметы были частью одежды, они также несли и иную смысловую нагрузку — своим звуком отпугивали злых духов.

с. 65–85; 13, с. 121–155], так и на территории салтовской культуры [13, с. 181–185], в том числе и в лесостепи [14, с. 42–52; 15, с. 98–114]. Это дополнительно подтверждается и позой погребенной, которая находит аналогии в женских захоронениях Дмитриевского могильника [16, с. 173–199]. Поэтому практически нет сомнения в том, что захороненная принадлежала аланскому этносу. Не противоречит этому и инвентарь погребения, который находит широкие аналогии в погребальном и поселенческом (в меньшей степени) материале салтовских древностей. Определенную уникальность в этом плане представляют зеркало с его орнаментом (рис. 3: б) и амальгамированный перстень с имитацией вставки (рис. 4: 7). Аналогии этим вещам нам не известны, хотя стилистически они также составляют единый культурный (салтовский) массив с остальными находками. Учитывая стилистические особенности орнамента на зеркале, типологию перстней, копоушки и серьги, время создания данного комплекса определяется как первая половина—середина IX в. [16, с. 62–75, рис. 37; 17, с. 146–172; 18, с. 163–169].

Размещение данного погребального комплекса на жилой территории городища имеет нечастые, но устойчивые аналогии с иными поселенческими памятниками салтовской лесостепи: Верхнесалтовском [19, с. 4–5] и Маяцком городищах [20, с. 105–110, 119–120, 128–129], в Саркеле [21, с. 46–48; 22, с. 90–95], на Дмитриевском селище [17, с. 46–48, 65–67].

Проблема изучения погребальных комплексов на поселениях Хазарского каганата пока не ставилась как отдельная научная тема ни в одной из работ,¹ хотя авторы публикаций и обобщающих исследований по отдельным памятникам не обходят вниманием этот религиозно-культурный феномен салтовской культуры. Данная проблема пока находится в стадии накопления материала и его первичного анализа. Не претендуя на значительные обобщения, заметим, что погребения на поселениях выявлены в заброшенных жилищах, мастерских, хозяйственных помещениях и ямах, большинство из которых по форме и объему напоминают ямы для хранения зернового запаса (цилиндрической или слегка расширяющейся книзу формы). Именно к последней группе и принадлежит богатое женское погребение на городище Мохнач, анализируемое в данной работе.

Аналогии ему мы находим в трех культовых комплексах на северо-восточной окраине Маяцкого поселения, выявленные еще А. И. Милутиным в начале XX в., а также яму–23 близ постройки–34, исследованную во второй половине 70-х гг. XX в. на том же памятнике [20, с. 109–110, 120]. В зерновой яме одного из помещений Саркела обнаружено женское захоронение [22, с. 94, рис. 67]. Еще одно женское захоронение в зерновой яме обнаружено на Дмитриевском городище [17, с. 46–48].

В литературе высказывалась мысль о том, что такие погребения возникли у оседлого населения Хазарии (алан) под влиянием степняков [20, с. 207, 211]. Не оспаривая это положение, считаем необходимым все же высказать иную мысль. Часть погребений в ямах следует рассматривать как культовый комплекс с принесением жертвы, сооруженный с целью получения определенных благ от божеств, «опекающих» ту или иную сферу жизни и деятельности людей. На эту мысль наталкивает ряд обстоятельств: захоронения в бывших ямах-зернохранилищах или в ямах, имитирующих их по форме (смотри выше); содержимое некоторых ям [20, с. 109–110]. Жертвенные погребения на территории «караван-сарая» и в котловане кузницы Саркела [22, с. 90,

¹ Наиболее специализированной работой этого плана пока что является монография А. З. Винникова в соавторстве с Г. Е. Афанасьевым [23], которая давно стала библиографической редкостью.

92]. Безусловно, в большинстве случаев в качестве жертв выступают животные (чаще — конь, собака, мелкий рогатый скот). Человеческие жертвы редки. Но там где представляется возможность определить пол, — это были преимущественно женские костяки различной степени сохранности¹: в Саркеле [22, 90–92], на Дмитриевском комплексе [17, с. 46], комплексе № 22 на селище «Мохнач-П»² [24, с. 35–36]. Более частая встречаемость женских останков в качестве «просительной» или «искупительной» жертвы связана с большей сакрализацией женского начала в сознании традиционных обществ древности.

Рассматриваемое женское погребение на городище Мохнач имеет большое количество украшений, что свидетельствует о высоком имущественном и социальном статусе женщины, а наличие нескольких культовых предметов позволяет высказать мысль о возможной ее принадлежности к деятелям языческого культа. Все это, в свою очередь, подчеркивает важность и «щедрость» дара богам. Заметим, что датировка группового погребения в жилище на том же раскопе в определенной степени совпадает с хронологией рассматриваемого жертвенного женского захоронения, а данные антропологии позволяют сделать вывод о том, что возможной причиной смерти той семьи был голод [9, с. 224–226]. Расстояние между этими комплексами незначительное — 20–25 м, поэтому не исключено, что анализируемое жертвенное захоронение в зерновой яме было направлено на преодоление неблагоприятных условий для сельского хозяйства и обеспечение питания для населения городища в необходимых для жизни объемах.

Ключевые слова: раннее средневековье, салтовская культура, аланы, жертвенный комплекс, сельское хозяйство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колода В. В., Колода Т. О. Старожитності с. Мохнач та його округи//Археологічний літопис лівобережної України. — 2001. — Ч. 2.
2. Колода В. В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи//Археологія. — 2007. — № 2.
3. Колода В. В. Техника создания славянских оборонительных линий на городище Мохнач как отражение межэтнических контактов в раннем средневековье//Древности Юга России: памяти А. Г. Атавина. — М., 2008.
4. Колода В. В., Горбаненко С. А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. — К., 2010.
5. Артем'єв А. В., Колода В. В. Некрополь с. Мохнач та фізичний стан населення Слобожанщини у XVII—XIX ст.//Археологічний літопис Лівобережної України. — 2/2002–1/2003.
6. Колода В. В. Археологические исследования Харьковского педуниверситета в 2005 г.//АДУ 2004–2005: Збірка наук. праць. — К.; Запоріжжя, 2006. — Вип. 8.
7. Колода В. В. Усадьба средневекового кузнеца на Мохначанском городище//Хазарский альманах. — Х., 2002. — Т. 1.

¹ Реже — дети, но этот вопрос, равно как и погребение мужчины на Маяцком поселении [20, с. 120] требует самостоятельного рассмотрения.

² В связи с тем, что в ряде изданий данному поселению ошибочно присвоен порядковый цифровой номер — II, мы считаем необходимым сообщить, что всем поселениям вокруг городища Мохнач изначально присваивались только буквенные обозначения; данное поселение имеет порядковую букву «П» (*пз*).

8. Колода В. В. Опыт реконструкции одного из раннесредневековых жилищ осевшего кочевника//Проблеми історії та археології України. Зб. матеріалів Міжнародної наук. конф. до 100-річчя... — Х., 2003.
9. Колода В. В. Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников: критерии выделения и подходы к решению (на примере исследования городища Мохнач)//Хазарский альманах. — К.; Х., 2005. — Т. 4.
10. Колода В. В. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2010 году (городища Мохнач и Коробовы Хутора в Змиевском районе Харьковской области). — Харьков, 2011/Научный архив ИА НАН Украины — б/н.
11. Колода В. В. Исследования на городище Мохнач//АДУ—2010: Збірка наук. праць. — К.; Полтава, 2011.
12. Флеров В. С. Аланы центрального Предкавказья V—VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. — Труды Клин-Ярской экспедиции. I. — М., 2000.
13. Флеров В. С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья I в. до н. э. — IV в. н. э. и Восточной Европы в IV в. до н. э.—XIV в. н. э. — М., 2007.
14. Флеров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. — Волгоград, 1993.
15. Аксенов В. С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхнесалтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры//РА. — 2002. — № 3.
16. Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура//Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981.
17. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. — М., 1991.
18. Аксенов В. С., Михеев В. К. Население хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII—X вв.»//Хазарский альманах. — К.; Х., 2006. — Т. 5.
19. Чернигова Н. В. Звіт про археологічні розкопки Верхньосалтівського городища в 1999 році//Архив ИА НАНУ. — № 1999/17.
20. Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. — Воронеж, 1998.
21. Плетнева С. А. Саркел и «шелковый путь». — Воронеж, 1996.
22. Плетнева С. А. Очерки Хазарской археологии. — М.; Иерусалим, 1999.
23. Винников А. З., Афанасьев Г. Е. Культурные комплексы Маяцкого селища. — Воронеж, 1991.
24. Колода В. В. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2009 году (селище «Мохнач-II» в Змиевском районе Харьковской области)//Научный архив ИА НАН Украины. — б/н.

Резюме

Колода В. В. До питання про салтівські поховання на поселеннях (на прикладі багатого жіночого поховання на городищі Мохнач)

Стаття присвячена аналізу багатого жіночого поховання періоду існування салтівської археологічної культури (середина VIII—середина X ст. н. е.) на городищі Мохнач (Зміївський район Харківської області). Поховання здійснене в господарській (зерновій) ямі і датується першою половиною—серединою IX ст. н. е. Похоронена аланка мала високий майновий і соціальний статус і, ймовірно, належала до служителів культури. На основі наявного матеріалу і відповідних аналогій робиться висновок, що це поховання представляє собою жертву, пов'язану з подоланням труднощів у сільськогосподарській діяльності жителів городища Мохнач.

Ключові слова: раннє середньовіччя, салтівська культура, алани, жертвний комплекс, сільське господарство.

Summary

V. Koloda. On the Issue of the Saltov Burials on the Habitations (by the Example of the Rich Female Burial Place on the Mohnach Settlement)

The article is dedicated to the analysis of the rich female burial place of the period of the Saltov archaeological culture existence (mid. VIII—mid. X c. AD) on the Mohnach settlement (Zmiyov region, Kharkov region). The burial was executed in a utility (grain) pit, and is dated the first half—mid. IX c. AD. The buried Alan woman had a high property and social status, and, probably, belonged to cult figures. Proceeding from the existing material and corresponding analogies, one may conclude that this burial presents a sacrifice, connected with the overcoming of difficulties in the agricultural activity of the inhabitants of the Mohnach settlement.

Key words: early middle ages, the Saltov culture, the Alans, sacrificial complex, agriculture.

